

Александр Посохов

Александр Посохов "Костры из грёз"

Александр Посохов
Александр Посохов
"Костры из грёз"

<https://litres.ru/74245282>

SelfPub; 2026

Аннотация

Настоящий сборник – это приглашение поразмышлять немного вместе с автором о творчестве вообще и о литературном в частности, читая соответствующие басни, рассказы, стихи и четверостишия. А название сборника – это просто поэтический образ из последнего стихотворения, означающий несбывшиеся надежды, воспоминания, мечты, одиночество, грусть и одновременно ожидание перемен к лучшему.

Александр Посохов

Александр Посохов

"Костры из грёз"

Александр Посохов

Костры из грёз

Москва
2026

Настоящий сборник – это приглашение поразмышлять немного вместе с автором о творчестве вообще и о литературном в частности, читая соответствующие басни, рассказы, стихи и четверостишия. А название сборника – это просто поэтический образ из последнего стихотворения, означающий несбывшиеся надежды, воспоминания, мечты, одиночество, грусть и одновременно ожидание перемен к лучшему.

Признание баснописца

Ну, вот не лирик я, поймите,
По сотворению стихов.

Достал вас баснями, уймите,
Уняться сам я не готов.

Гляжу на звёздные поляны,
На золотые миражи,
А в голове всё обезьяны,
Коровы, змеи и ежи.

Медведи, лошади, лягушки,
Лисицы, зайцы, барсуки,
Собаки, волки, овцы, хрюшки,
Павлины, гуси, индюки.

Вороны, дятлы, попугаи,
Пингвины, голуби, орлы,
И эти, чья судьба такая –
Быть вечно глупыми – ослы.

Слоны, так те, ломая кроны,
В любую басню сами прут.
За ними львы, надев короны,
Туда же царственно идут.

С такими верными друзьями,
С такой компанией зверей
Смеяться я могу годами

Над недостатками людей.

* * *

Про Ивана-Графомана

– Ты кто? –

Спросил издатель у Ивана.

– Я Графоман! –

Ответил с гордостью Иван. –

По правде, без обмана.

– А я-то думал, вы повымерли давно.

– Ну это вам жить вечно не дано,

Мне ж умирать всегда не время,

Поскольку я и есть

Бессмертное писательское племя.

– Отродье вы и дьявольское семя!

Писатели у нас – спецы,

А не безусые юнцы

И старики с деменцией.

– А, ежели талант, как божий дар,

Имеется,

И ум, и знания, и честь?

– Скажи ещё, душевные порывы.

– Зря ржёте, милостивый государь.

Таких, как я, полно,

И все мы живы.

А вы ни критик, ни поэт.

– Тогда закрой мой кабинет

С обратной стороны,

И рукопись свою засунь в штаны.

Издатели поэтам не страшны,

Не в графоманстве дело:

Его в подлунном мире нет.

Пишите, люди, обо всём и смело,

Ивана ж Графомана

Знают сотни лет.

* * *

А я так вижу!

По самому высокому тарифу

Доверили поставить Грифу

Трагедию Уильяма Шекспира

Про короля несчастного, про Лира.

И вот премьера.

Раздвинут занавес по сторонам,

А на полу, на сцене, тут и там,

Сплошная мертвечина:

Останки бородавочников, львов,

Жирафов, страусов, слонов,
И ни начала, ни конца.
Пытаясь выявить причину,
Спросили режиссёра, где ж тут Лир,
И где ж тут подлинный Шекспир,
И где ж тут соответствие престижу?
На что ответил Гриф,
Спесиво хвост свой распустив:
– А я так вижу!

Гони того художника-творца,
Чей взгляд на наш прекрасный мир
Настолько субъективен,
Что противен,

* * *

Венчание

Пора признаться, наконец,
Что тот же самый наш Творец
Склоняет нас, пока мы живы,
Душить прекрасные порывы.

Повёл я Музу под венец,
Всё честь по чести, чин по чину,

Но Бог и тут нашёл причину.
– Ты, – говорит, – ещё юнец,
Чтоб сочетаться с нею браком.
Пройдёт ещё лет двести с гаком,
В эпоху ту и приходи.
Но только фрак приобрети,
Ещё цилиндр, трость и блузу,
И бакенбарды отрасти,
А то какой-то ты кургузый.
– И что же, Боже, лишь тогда
Взойдёт она,
Звезда пленительного счастья?
– Да.
– А где напишут про меня?
– Так на обломках ж самовластья.
– Ну это, значит, никогда! –
Воскликнул я
И бросил Музу,

* * *

Глухарь-баснописец

Глухарь явился к Журавлю,
Тот был издателем, и говорит:
– Я басни Филина люблю

И знаю.

Но кто-то ж и сейчас творит.

Я тоже вот давно их сочиняю

И про лисиц, и про ворон.

– Зачем?

Ведь всё равно, как он,

Писать ты никогда не сможешь.

– И что ж?

– Ну как ты, глупый, не поймёшь.

Он эталон,

Известный всем.

Тебя с ним рядом не положишь.

Поэтому, глухой,

Лети домой.

Один великий баснописец есть

И хватит!

Кстати,

Вчера у нас в столице здесь

Кого-то памятной доской прибило.

Правда, было.

* * *

Змея и лирик

Влюблённый лирик,
Идущий по дороге у гумна
И сочиняющий сонет,
Упал в кювет.
А вот сатирик
Шёл бы прямо, глядя на
Любые ямы и канавы возле,
А басню написал бы после
За кружкой пива
И за вазочкой с кешью.
Но лирик-то свалился на змею.
И нет в том никакого дива,
Что у змеи смертельный яд.

Мораль сей басни наугад,
Другой пока что нету:
Когда ты пишешь у гумна сонеты
И даришь их любимой даме,
Но не той,
То можешь оказаться в яме
Со змеёй.

* * *

Поэтический шантаж

У поэта денег нет,
На то он и поэт.
А, если мэра вынудить делиться,
Куда он денется, как говорится?
И вот поэт заходит к мэру в кабинет
И говорит: – Я напишу про вас такую басню,
Что вы тут все затрепещите,
Коль не заплатите мне миллион.
– Ну что ж, прекрасно! –
Улыбнулся мэр. – Пишите,
Хоть пасквиль, хоть памфлет, хоть фельетон.
Вот адрес нашей городской газеты.
Поэт в газету эту
Лихую басенку свою послал через Рунет
И получил такой ответ:
«Всяк может срифмовать слова сатира и сортир.
Примерно так же, как квартира и трактир,
Конфета и буфет, манжета и сюжет.
А смысл? Сатиры ведь у нас давно уж нет!»

* * *

Ряд слов

«Быть может» –
Простая расстановка слов,

А сердце чувствует любовь.

«Этого дня вдохновение» –
Связь без экспрессии,
А сердце чувствует поэзию.

«Родина моя» –
Обыденное некуда по ряду,
А сердце чувствует отраду.

«Поэта на смерть» –
Бессмысленная очерёдность,
И сердце остаётся чёрствым.

О чём слова нам говорят,
Таит их ряд.

* * *

Дураки

Я, было, в зеркале увидя образ свой,
Тихохонько Крылова толк рукой:
«Смотрите, говорю, учитель мой,
Что это там за рожа с басней «Дураки»?
Я удавился бы с тоски,

Когда бы сочинил такую ахинею,
Ещё и в интернет бы вышел с нею.
А ведь, признайтесь, нынче есть
Из баснописцев дураков пять-шесть,
Я даже их могу по пальцам перечесть».
«Чем дураков считать трудиться,
Не лучше ль на себя оборотиться?»
Крылов мне отвечал.
Но сей совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире,
Никто не любит узнавать себя в сатире.
Вот Климыч сочинил дурацкий стих,
Все говорят ему, стихи не пишут так.
А он кивает на Петра и на других:
Что, мол, не я ж один такой дурак.

* * *

Поэт и Аполлон

Сошёл однажды Аполлон на Землю
С инспекцией насчёт искусств.
Присел на лавочку, а сзади куст
Дурмана и росточек хмеля.
Обмяк и задремал немного бог,

Сказался аромат пьянящий.
И вдруг поэт, как будто настоящий,
Пристроился, подобно кораблю,
И тоже малость во хмелю.
А дальше краткий диалог.

Поэт:

«Я вас и творчество люблю.
Но не могу никак понять,
Свободный я поэт иль узник,
И что мне на Парнас с собою взять,
Кляп здоровенный иль подгузник?»

Аполлон:

«Купи себе тетрадь,
Засунь её в карман толстовки
И отправляйся в лес статьи писать
Про лесозаготовки».

Поэт:

«При чём здесь это!
Я ж не прозаик, а поэт».

Аполлон:

«Писать стихи не значит быть поэтом.
Невольник ты, коль воли нет
Дарить богам душевный свет,
Не думая про страхи и конфузы.
Уж лучше Расскажи, как валят лес.
А на Парнас не лезь,

Там я и Музы».

* * *

Строфа и рифма

Сидит поэт, сидит,
Не спит.
Пред ним тетрадный лист
И авторучка.
А за окном Луна и тучка,
Фонарь и мотылёк –
Пейзаж лирический.
Напряг он ум свой поэтический,
Да всё не впрок.
Остался лист тетрадный чист.
«Чего я зря сию,
Ума не приложу?
Пойду-ка лучше в ванне полежу».
Водичка тёплая, журчащая,
Лафа!
А вот и рифма подходящая,
И первая строфа
О тучке, о Луне...

Сия история, друзья, о том,

Что не рождается стих за столом.
Поэзия ума является обманной,
Душа творит, увы, лишь в ванной.
Ну, может быть, ещё во сне.

* * *

Вертялый писатель

Решив писателем вдруг стать,
Лохматый дед достал тетрадь
И сел за стол на кухне.
«Колени-то чего опухли?»
Погладил, помассировал, потёр.
Встал, форточку открыл.
Сел, взял авторучку,
Изобразил большую закорючку.
Встал, закурил.
«А что ж вначале написать,
Роман или рассказ?
Схожу-ка лучше я на двор,
Подумаю и причешусь как раз».
Вернулся, сел.
«А где-то у меня была халва?»
Встал, отыскал, поел.
И снова сел.

«Творить на сквозняке негоже!»
Встал, форточку закрыл,
Тулуп надел.
«А то чего-то мёрзну».

Мораль сей басни такова:
Рождённый ёрзать,
Писать не может.

* * *

Поэт и Боты

Себя давно
Свободной птицей представляя,
В окно
Смотрел поэт,
Ворон считая.
Уж много лет
Он не имел другой работы.

Боты

Сушились тут же на окне.

И говорят они вдруг тихо, сухо:

«Не птица ты, поэт, а муха.

Летаешь с нею наравне,

От койки и окна – к буфету,

А от буфета – к туалету».

* * *

Памфлет и Притча

Случается –

Отправились в дорогу разом

Памфлет и Притча.

Памфлет орёт,

Клеймит, ругается,

Пугает всех сарказмом,

Издевается,
Упрёками наотмашь бьёт.
А Притча рядышком идёт
Задумчиво, прилично,
Поклоны раздаёт,
Подсказывает, учит, улыбается.
Год вместе шли, устал Памфлет,
Ни сил, ни голоса уж нет.
И говорит он, издыхая:
– Похоже, дальше мне никак.
– Ну что ж! –
Сказала Притча тут в ответ. –
Большую жизнь не проживёшь,
Всё время злясь, ворча и хая.
А у меня судьба иная –
На века.

* * *

Молчи, поэт!

То ухая, то хохоча,
В краю таёжном диком
Читает филин опусы свои
Двусложным криком,
И чаще по ночам.

Шумит, спать не даёт.
А вот о чём его стихи,
Никто не разберёт.
И разбирать-то не желает,
Иных забот хватает.
Зайчишку волк достал,
Лягушку – уж, шмеля – паук,
Косулю – рысь, крота – барсук,
А всех вообще – амбал,
Топтыгин то есть,
О силе коего всяк знает.
А филин всё стихи свои читает.
И ни один не помогает
Выжить там,
Где хищники по всем углам,
Числа им несть,
И жизнь – сплошная мука.

Другого лозунга тут нет:
Молчи, поэт,
Ты не достоин звука,
Коль правды вес не по плечам!

* * *

Кукушка, Бог и Дьявол

Гуляют Бог и Дьявол по опушке,
А рядом счёт годам ведёт кукушка.
– Я ж говорю, безгрешных нет,
Она вот подшвырнёт яичко и привет.
А про грехи и плутни человечьи
Так даже спорить тут с тобою не о чем.
– Конечно, если искушать людей, как ты,
Гордыней, похотью и эгоизмом,
То не дожидаться им счастливой жизни.
– Не в этом дело, дорогой.
Всё сущее противоречит воле Божьей.
Сама исконная Земля и та
Грешит вулканами,
И небеса грешат, являя буйный нрав.
– Нет, Дьявол, ты не прав.
Не может грешной быть такая красота:
Вот эти лютики с тюльпанами,
И этот василёк, и зверобой,
И колокольчики, на купола похожие,
И клевер, и подсолнух, и лопух,
И мать-и-мачеха с иваном-чаем,
И одуванчик этот вот.
Жизнь на Земле – награда!
Но вдруг кукушка замолчала,
И Дьявол улетучился, как дух.

Мораль:

Безгрешным может быть лишь тот,
Кому грешить не надо
И жизни без греха не жаль.

* * *

Универсал

Едва

Смогли узнать друг друга два
Товарища – так сильно сдали.

– Пойдёшь?

– Пойдём.

Поковыляли.

Пришли, расположились, взяли.

И потекла живая речь.

– Однажды выложил я печь,

Такую печь, что до сих пор

Меня там помнят.

Да, Егор.

Работал я и печником.

– А что потом?

– Потом я был массовиком

Потехи ради.

– Вот не подумал бы, Аркадий.
– Потом с тоски преподавал,
Афиши в клубе рисовал,
Тайгу валил,
Дома рубил,
В кино работал,
Крыши крыл,
Китов ловил,
Баранов брил,
Огонь тушил,
Костюмы шил,
Играл в оркестре на трубе,
Таскал диваны на себе,
Был массажистом в финской бане,
Брал чаевые в ресторане,
Фотографировал,
Доил,
Полы паркетные стелил,
Потом работал в профсоюзе,
Потом выделявал на пузе
В каком-то цирке номера,
Давал и уголь на-гора.
Потом писать пришла пора.
– Да, необъятно как-то очень.
Но больше всё ты был рабочим.
А вот начальником ты был?

- Был я этим, правда, был.
В одном
Совете областном.
– А был ли ты парашютистом?
– Был.
– А журналистом?
– Был.
– А?..
– Был.
– Так кем же не был ты?
– Специалистом.

* * *

Конфуз

Пёс пудель Бим

Был страсть любим

В среде ценителей от Бога.

Он рисовал давно и много,

Имел и звания и фонд.

Им восторгался весь бомонд

В Москве, в Париже, в Праге, в Риме.

В энциклопедии о Биме

Была аж целая статья.

Житья

Такого псам другим

Желал от сердца славный Бим.

И тут-то с ним,

Уже седым,

Конфуз обидный приключился.

Та баня, где он раньше мылся,

За подворотнею как раз,

Его поддела на заказ.

Примерно год художник бился

С идеей, с красками, с собой.

И в результате получился

Пейзаж с болонкой, как живой.

Повесили картину в бане.

А через день несут назад.

– Клиенты наши говорят:

«Давайте даму в крупном плане.

Не полубоком, а с хвоста.

И чтобы шерсть не так густа...»

Идея басни сей проста:

Работа для таких судей

Не стоит никаких идей.

* * *

Поэт и придурок

Художника обидеть может каждый.
Но не поэта –
Стихи его страшнее лома,
Нет против них приёма!

Однажды,
Летом,
У окна
Меж лестничных площадок
Многоквартирного жилого дома
Один мужик сказал
Другому:
– Курилка тут запрещена,
Не надо нарушать порядок.
Иди на улицу, сосед.
А тот в ответ:
– Иди ты на...
Но не пошёл туда поэт,
А кисть да краску взял
И на двери курильщика намалевал:
«Он бросил в подъезде окурок

И сплюнул во след по-блатному.

Поскольку с рожденья придурок,

Схвативший не ту хромосому».

* * *

Дед Мороз и Фея

Поспорили у Мавзолея

Дед Мороз и Фея,

Кто главный всё ж из них,

Волшебников таких?

– Я чудо всем дарю.

– А я подарки раздаю.

– Я приношу удачу.

– А я на Новый год чудачу.

– Я просьбы исполняю.

– А я природу охраняю.

– Я всех могу от хвори исцелить.

– А я могу пургу враз усмирить.

– А у меня корона классная.

– А у меня костюм атласный.

И вдруг на площадь Красную,

Услышав сей дуэт,

Сам Президент явился.

– В хороших сказках главных нет! –

Сказал и удалился.

Мораль в сей басенке проста,
Как суть текущего момента:
Не спорить надо иногда,
А слушать Президента.

* * *

Я – графоман!

Я – Графоман!
Как граф Толстой или Донцова,
Как все великие. Поэтому я снова
Сижу за письменным столом
Над кнопками перед экраном.
Ложь и обман,
Что лучше быть козлом,
Чем графоманом.
Кто просто блеет и жуёт,
Тот дольше смерти не живёт.
Мне ж умирать всегда не время:
Поскольку вечно думать надо,
Какое слово подобрать,
Пока Пегас не перестал летать.
А что до званий, то награда
Уж то вполне, что я и есть

Бессмертное писательское племя,
В одном строю с Донцовой и Толстым.
Известным стать таким
Любому может выпасть честь.
Не в графоманстве дело,
Его в подлунном мире нет.
Пишите, братья, обо всём и смело,
Берите штурмом интернет!

* * *

Прощание Графоманов

Мы не бездарные мужи,
Мы разные и интересные,
Нам силы ведомы небесные
В борьбе за правду против лжи.

Мы за любовь на всей земле,
За песни мира величавые,
За строчки главные, начальные,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.